

МАЛЕНЬКАЯ ТАВРИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

К 175-летию отъезда Константина Батюшкова из города, который свел его с ума

Александр Люсий

ПОЭТИЧЕСКИЙ таврический миф оказался фундаментальной основой «маленькой философии» одного из самых жизнелюбивых и трагических русских поэтов Константина Батюшкова. Эта «философия» удивительно соответствует масштабам как самого полуострова, так и творимого поэтом образа «внутреннего человека». Это воздушное, стили рококо, явление — как бы противоположный полюс барочным соборно-ментальным художественно-философским построениям поэтического Колумба Тавриды Семена Боброва (которого Батюшков неустойчиво пытался утопить в реке забвения Лете, что и придает его личной драме привкус истинно крымского онтологического возмездия, конечно же, несправедливого, но это ведь и значит «истинно крымского»).

Свою «маленькую философию» Батюшков, поначалу поклонник Монтеня и Вольтера, выработал до войны 1812 г., художественно соединив в ней скептицизм с чувствительностью и эпикурейским гедонизмом. Война, несмотря на ее победоносный характер, была воспринята как необратимая трагедия, в диссонанс со всеобщим энтузиазмом, давшим, в частности, толчок движению декабристов. Ведь под ударами «образованного варварства» разрушилась сама «картина мира».

«Москвы нет! — писал Батюшков. — Потери невозвратны! Гибель друзей, святыня, мирное убежище наук, все осквернено шайкою варваров! Вот плоды просвещения или, лучше сказать, разврата остроумнейшего народа, который гордился именами Генриха и Фенелона. Сколько зла! Когда будет ему конец? На чем основывать надежды? Чем наслаждаться?.. Ужасные поступки вандалов, или французов в Москве и в ее окрестностях, поступки, беспримерные и в самой истории, вовсе расстроили мою маленькую философию и поссорили меня с человечеством...»

В боевых действиях поэт принимает участие подобно средневековым рыцарям под флагом уже довольно призрачных надежд на личное счастье. В очерке «Петрарка» Батюшков не случайно отмечает: «Любовь к Лауре и любовь к славе под конец жизни его слились в одно. Любовь к славе, по словам одного русского писателя, есть последняя страсть, занимающаяся великую душу. Поэмы: Триумф Любви — Непорочности — Смерти — Божества, в которых и самый снисходительный критик найдет множество несообразностей и оскорблений вкуса, заключают, однако же, в себе неувядаемые красоты слога, выражения и особенно мыслей. В них-то стихотворец описывает все мучения любви, которой мир, как тирану, приносит беспрестанные жертвы».

Таким образом, преображенная испытаниями «маленькая философия» сплавляет в единое целое безотчетный патриотизм и надежду на земное счастье, полурелигиозную верность избраннице и в то же время экзистенциальное «тиранство» (абсолютно лишнее какого-либо политического оттенка), не переходящее во внутренний «тоталитаризм» («тотальность желания», как выражался Жорж Батай), а давшее урок невиданного межличностного христианского «демократизма».

Такое впечатление, что Батюшков чуть-чуть заводит слегка критикуемому им итальянскому предшественнику. «Надежды Петрарки не сбылись. Но любители изящной поэзии знают наизусть

прекрасные стихи любовника Лауры, обожателя древнего Рима и древней свободы. Ни любовь, ни мелкие выгоды самолюбия, ни опасность говорить истину в смутные времена междоусобия — ничто не могло ослабить в нем любви к Риму, к древнему отечеству добродетелей и муз, ему драгоценных, ибо ничто не могло потушить любви к изящному и к истине в его сердце». Сам же Батюшков делает иной выбор: «Я гривны не дам за то, чтоб быть славным писателем, ниже (даже. — А.Л.) Расином, а хочу быть счастливым». И «внутренний полубог» жестоко обманул поэта.

Онтологическая — бытийная — опечатка разрушила «маленькую философию» поэта с гораздо большей неотвратимостью, чем столкнувшиеся в то время империи. Когда он в начале 1815 г. вернулся из антинаполеоновского похода, надежды на личное счастье рухнули. Близкий знакомый и начальник по новой службе в Императорской публичной библиотеке Алексей Оленин согласился с тем, чтобы его воспитанница Анна Фурман, ранее подававшая смутные надежды, стала невестой

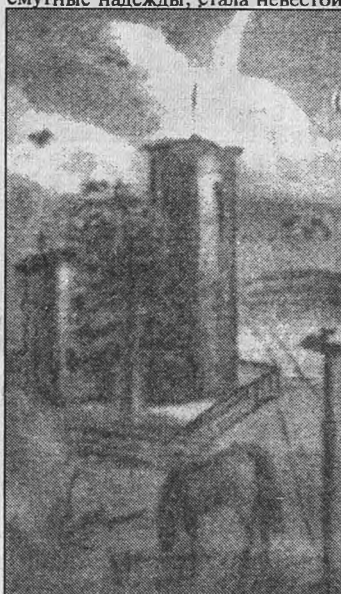

Рисунок Батюшкова, сделанный в период психической болезни.

поэта. Однако сама избранница поэта, на этот раз изыскав лишь покорность, не ответила взаимностью на нежные чувства.

Кто бы мог подумать, что духовная сторона любви занимает такое большое место у поборника эпикурейской философии, которую он так вдохновенно проповедовал ранее в своем творчестве? Все знакомые осуждали его за отказ от решительного шага. Он же, спасаясь от тяжелого нервного расстройства, уезжает в Каменец-Подольский, чтобы вновь надеть военный мундир: «Жертвовать собою позволительно, жертвовать другими могут одни злые сердца».

Что же получилось в результате? Об этом возвышенно-просто поведал в «Разлуке» сам поэт:

Напрасно покидал страну
своих отцов,
Друзей души, блестящие
искусства;
И в шуме грозных битв,
под тению шатров,
Старался усыпить
встревожженные чувства.
Напрасно от брегов
пленительной Невы
отторженный судьбою,
Я снова посещаю
развалины Москвы,
Москвы, где я дышал
свободою прямою!

Выражение «развалины Москвы» для 1815 г. означает невозможность былой «картины мира». Но любовь, а с ней и надежды на взаимность, на «домашний ключ» вспыхнули с новой силой. Тогда-то воображение и устремляется в полубогемную Тавриду, нетронутый, по убеждению поэта, осколок античной гармо-

нии как «древнего отечества». Мы там, отверженные роком, Равны несчастьем, любвию равны,
Под небом сладостным
полуденной страны
Забудем слезы лить о жребии жестоком...

«Таврида» (1815) Батюшкова задала русской литературе образ Крыма романтического, сказочно-светлого Элизиума, воображаемой страны воображаемо счастливых влюбленных и поэтов, места «последних даров фортуны благосклонной».

По-своему актуальными становятся сейчас, в эпоху всевозможных откровений, обозначенные Батюшковым основания и предметы истинных искренности и исповедальности, связанных с образами этой элгии. «Кто требовал у него сей страшной повести целой жизни? — писал он об «Исповеди» Жан-Жака Руссо в одной из статей этого периода. — Не люди, а гордость его. Какое право имел он поведать миру о слабостях женщины, которой дружество, столь нежное, столь бескорыстное, усладило юность и успокоило тревожимое сердце

мечтателя? Так, человек, рожденный для добродетели, учинил страшное преступление, неслыханное доселе, и это преступление родила мудрость человеческая... Недостаток личного благородства еще в меньшей степени может быть оправдан литературой, чем отсутствие личного счастья».

Из Каменец-Подольского, где круг знакомых поэта был ограничен, он предполагал поехать в Одессу и Херсон, а затем в Крым. Но на этот раз его военная служба оказалась недолгой, и в конце 1816 г. он выходит в отставку, намерения своего, впрочем, не оставив. В июне 1817 г. он пишет Василию Жуковскому из деревни: «Поедем в Тавриду... Здесь, право, холодно во всех отношениях. Проведем несколько месяцев вместе, на берегах Черного моря». И дальше печально-прозрачно: «Ты думаешь, я начинаю бредить?»

Летом 1818 г. поездка на юг состоялась. В весьма солидном издании — К.Н. Батюшков. «Опыты в стихах и прозе». — М.: Наука, серия «Литературные памятники», 1977, 598 с.), до сих пор сбивая с толку читателей, утверждается, что Батюшков в это время «выезжает лечиться в Крым, где увлекается археологией». В действительности события развивались иначе.

Ожидая тогда назначения на дипломатическую службу в Италию, где он рассчитывал в полной мере приобщиться к миру античности как подземному «древнему отечеству», поэт постоянно сомневался, стоило ли ему посещать Крым на самом де-

ле, а не только в поэтическом воображении. «В Тавриду не поеду, — писал он Александру Тургеневу в июне 1818 г. во время вынужденной остановки в Полтаве, — доколе не прояснится моя судьба: туда надобно ехать с покойным духом, без суетных надежд и желаний; в противном случае только телом буду на берегах Салгира; а сердцем во Флоренции, или в Риме, или в Неаполе... Но если бы Италия не удалась, то Крым в ненастное время осени будет моим убежищем, и бедные развалины обоих Херсонесов заменят мне развалины великолепного Рима, как Яковлев заменял нам Тальму. По крайней мере воздух Байдары заменит мне воздух Ниссы (т.е. Ниццы. — А.Л.) и Флоренции, а воздух для меня — главное дело».

С целью лечения Батюшков поселился в Одессе, занимаясь там историей и археологией. Осматривая развалины Ольвии. Желание посетить Тавриду в реальности крепнет. «В Крыму все любопытно, — вновь пишет он Тургеневу в июле 1818 г. из Одессы. — Здесь недавно я бродил по развалинам Ольвии: сколько воспоминаний!.. Жалею, что наш Карамзин не был в этом краю. Какая для него пища! Можно гулять с места на место с одним Геродотом в руках. Я невежда, и мне весело. Что же должны чувствовать люди ученые на земле классической! Угадываю их наслаждения». У Оленина он просит разрешения и соответствующих денежных сумм с целью приобретения для петербургской библиотеки предметов старины в Крыму. По его собственным словам, он «уже совсем было занес одну ногу в Крым», явно не воспринимаемый теперь лишь как реальный заместитель Италии и «древнего отечества», но... Буквально за два дня до уже решенного отбытия в Евпаторию пришло известие о назначении в Неаполь.

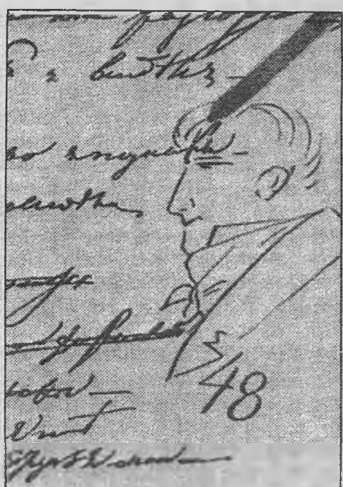
В Петербурге, накануне отъезда в Италию, Батюшков собирался писать большое произведение, посвященное Крыму, вероятно, предполагая при этом вступить и в тематическое, а не только эпиграммическое соперничество с автором первой русской «Тавриды» (1798) Бобровым.

Поэт отправляется в Италию с мрачными предчувствиями. «Я знаю Италию, не побывав в ней. Там не найду счастья: его нигде нет; уверен даже, что буду грустить о снегах родины и о людях, мне драгоценных». Предчувствия эти оправдались.

Крым, по словам Пушкина, посвящены «любимые стихи Батюшкова самого», элгия «Таврида» «по чувству, по гармонии, по искусству стихосложения, по роскоши и небрежности воображения — лучшая элгия Батюшкова». В то же время в реальности воображенный «Элизий» оказался одной из самых беспроблемно мрачных страниц биографии поэта, усугубив его «болезнь не к смерти», но и не к славе.

Сезон для отдыха в этой местности был выбран крайне неудачно. Уже Павел Сумароков в своих «Досугах крымского судьи» опроверг бытовавшее представление о повсеместной и постоянной благодатности крымского климата. «Так называемая зима здесь есть одно из самых несносных времен года... Обнаженные поля выставляют обезображенные холмы и чернеющие расщелины, бродячие облака, как узорчатый дым, расстилаются по потускневшему пространству неба, и уродливый Чатырдаг для оттенка предстает покровенным снежными полосами... Единое наименование крымских лихорадок наводит ужас».

Поэт не смог написать в Симферополе ни единой строчки. Первое время он все же был достаточно общительным, охотно

Батюшков, изображенный рукою Пушкина. 1818.

беседовал о былом, любил говорить о Жуковском, Тургеневе, Карамзине, Михаиле Мухомове. Но вскоре болезнь обострилась. Батюшков сжег и раздарил знакомым все свои книги и рукописи, оставив себе только Евангелие (став тем самым своеобразным предшественником Гоголя). Он трижды разными способами покушался на самоубийство.

Известия о состоянии Батюшкова достигли Петербурга. В Книне об этом узнает Пушкин, которого в свое время увлекла тема батюшковской «Тавриды», что сказалось в его стремлении побывать в Крыму. Оказавшись здесь наяву, Пушкин тоже поначалу испытывал разочарование, хотя и не столь острое, как Батюшков, с таким же пренебрежением проходя мимо античных развалин, с каким он относился к словесным «развалинам» Боброва. Мотивы и стилистические находки Батюшкова, вплоть до буквального совпадения отдельных строк и выражений, наблюдаются в пушкинских элгиях «Погагло дневное светило», в стихотворениях «Редет облаков летучая гряда» и «Нереида», в начале неоконченной поэмы «Таврида»; апогея же освоенный Батюшковым «сладостный» стиль достиг в «Бахчисарайском фонтане».

Лечивший поэта врач Мильгаузен рассказал прибывшему за Батюшковым приятелю Жуковскому — директору Петербургского университета Кавелину о некотором улучшении состояния больного, который месяц назад был «очень худ», требовал духовника и объявлял ему, что хочет зарезаться, просил быть свидетелем, что «кроме по сию пору напечатанных моих сочинений, ничего не писал, что если что-нибудь после смерти моей и окажется, то это неверное и фальшивое».

По другим сведениям, Батюшкова в Симферополе лечил доктор Арндт. В городе были известны только два этих врача, ставших своеобразными соперниками (население Симферополя делилось тогда на две части, лечившиеся у кого-то одного из них). Могло быть и такое: Батюшков-пациент как бы примирил это соперничество, и его лечили оба врача.

Краеведы Крыма до сих пор ведут спор о местонахождении приютившей Батюшкова гостиницы «Одесса» в Симферополе, уподобляясь пациентам докторов Арндта и Мильгаузена. Эта неясность не должна быть воспринята как увековечивание памяти о певце Пенатов и Тавриды». Ведь подлинная его гробница (стихотворение, по Малларме, это гробница) находится здесь. И здесь теперь становятся особенно актуальными уроки жизни, сумасшествия и смерти «внутреннего человека» среди геополитических, ментальных и экзистенциальных развалин.